

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СОЧИНЕНИЯ
И. ПЕРЕСВЕТОВА

ПОДГОТОВИЛ ТЕКСТ
А. А. ЗИМИН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
Д. С. ЛИХАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Внимание историков древней русской литературы не раз останавливалось на себе особый характер литературного развития XVI века. Литература этого времени идет по пути крупных «обобщающих литературных предприятий» (термин акад. А. С. Орлова), осуществляемых в государственном масштабе и имеющих целью централизацию всей русской культуры (Великие Четы-Минеи митрополита Макария, Стоглав, Домострой, Лицевой свод Грозного и т. д.), а с другой стороны, отмечена сильнейшим подъемом публицистики.

Публицистическая мысль наполняет собой произведения любых литературных жанров этого периода, создает новые жанры, переходит пределы литературы, проникает в деловую письменность, выходит даже за грани самой письменности, оживляя собой произведения живописи и зодчества. Ее воздействие на историческую действительность прослеживается совершенно отчетливо. Публицистический задор заставляет братья за перо рядового монаха и митрополита, холопа и боярина, мелкого служилого дворянина и самого царя. Прогрессивная публицистика этого времени охватывает своими темами все стороны государственной деятельности, опережает реформы и диктует законы.

В чем причины этого усиленного развития публицистики? Исторические корни развития «обобщающих литературных предприятий» XVI века ясны. Они заключаются в государственной борьбе со всякими и всяческими остатками областной обособленности в культурной жизни страны. Это достаточно отчетливо выяснено уже в работах акад. А. С. Орлова¹. Исторические корни особого развития публицистики в эпоху образования и укрепления Русского централизованного государства

¹ Акад. А. С. Орлов. Древняя русская литература XV—XVI вв. М.—Л., 1939, стр. 252 и сл.

значительно сложнее, разветвленное, глубже уходят в социальную почву своего времени. Их труднее установить и невозможно свести к одной какой-либо задаче. В пору образования централизованного государства публицистика служила оружием в преобразовании жизни.

Классовое лицо публицистики XV—XVI веков определяется довольно четко. Это прежде всего публицистика феодального класса. Трудовой народ, крестьянство, почти не представлено в публицистике, если не считать высказываний Феодосия Косого — холопа по происхождению и еретика, проповедника социального равенства по убеждениям. Крестьянство не было в состоянии противопоставить феодалам идейно законченные письменные произведения. Идеология крестьянства отражалась прежде всего в устном народном творчестве: в сказках, былинах, исторических песнях, пословицах, поговорках, в лирических песнях и т. д. Главной формой идеологического протеста эксплуатируемых масс населения были ереси, яростно преследовавшиеся церковью, известные нам по преимуществу из письменных произведений их противников — представителей господствующей церкви. Религиозные формы идеологии были типичны для всех классов феодальной формации, а церковь была главной опорой господствующего феодального класса. Ф. Энгельс пишет: «Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона»¹.

У трудового населения не было материальных возможностей для ведения идеологической борьбы в письменном виде. Публицистика отражала прежде всего идеологию господствующего класса. Она имела в основном два направления: с одной стороны, боролась с еретическими учениями эксплуатируемых, с другой — включалась во внутриклассовую борьбу феодалов.

И выступления Вассиана Патрикеева и выступления Ермолая-Еразма в защиту крестьян от слишком жестокой эксплуатации, против закабаления их (Вассиан Патрикеев) и против разорения их землемерами (Ермолай-Еразм) объяснялись, конечно, не их крестьянолюбием, а отстаиванием собственных классовых интересов. Это была борьба внутри класса феодалов за земли и за крестьян как источник материальных благ. Внутриклассовая борьба объяснялась в конечном счете классовыми причинами. На одной стороне находилось дворянство,

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

на другой — боярство, но в обоих случаях борьба возбуждалась стремлением тех и других отвоевать себе возможно большие земельные и «людские» богатства.

Из двух основных борющихся внутри феодального класса групп прогрессивным было, несомненно, дворянство. Дворянство в союзе с государственной властью выступало против реакционного боярства, против пережитков феодальной раздробленности.

Так, представители прогрессивной социальной среды — дворянские публицисты — нередко «бессознательно лицемерно» считали себя заступниками за общенародные интересы.

К служилому дворянству в известной мере может быть отнесено то, что говорили К. Маркс и Ф. Энгельс о прогрессивном классе.

«Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит (господствующему, — Д. Л.) классу, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он представляется в качестве всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих классов, не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса»¹.

Это положение характеризует не только классовую, но в известной мере и внутриклассовую, в которой также отражается классовая борьба, что достаточно ясно выступает в публицистических произведениях двух виднейших представителей дворянского направления — Ермолая-Еразма и Ивана Пересветова.

«Бессознательно лицемерное» стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания в самой жизни, провозгласить общие принципы, которые устанавливали бы основы социальной справедливости, в широкой степени характерны и для проектов Ермолая-Еразма.

Ермолай-Еразм говорит об обязанности царя заботиться о благе своих подданных, исходя из воззрений на Русское государство, как на единственное православное государство во всем мире»².

Благо подданных Ермолай-Еразм понимает, опять-таки стремясь найти общие принципы его в самом мироздании.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 38.

² ЛЗАК, вып. 33, 1926, стр. 193.

В основе всего социального порядка находятся крестьяне, так как производимый ими хлеб — главный источник жизни. «В начале же всего потребни суг ратаеве; от их бо трудов ест хлеб...»¹. Хлебом питаются все — от царя и до крестьянина; хлеб — свят, он возносится в таинстве евхаристии. Хлеб — основа благосостояния людей и государства. Следовательно, крестьяне, непосредственные производители хлеба, — центральный слой населения. И он называет крестьян несколько необычно и торжественно — «ратаи».

Ермолай-Еразм выступает против знатности. Неравенство может основываться только на неравном труде. Большой надел соответствует большим обязанностям: «Аще ли же где будет поприще поприщу землею неравно, — ест бо тако и людие: суть во едином удобствии, сиреч равенстве, имут же некая отстояние, между себе суще неравна, — по человеку убо размотряй, и поприще разделяет лучшим лучешая»². Дворянский характер этого внешне демократического принципа ясен. По существу, он обосновывает право на поместья и отрицает право на вотчины. Ермолай пишет про вельмож, что они «ни от коих же своих трудов довольствующиеся»³, и противопоставляет им служилое дворянство, которое, по его мнению, несет службу не бездельно и за эту службу получает землю и крестьян. О награждении последних землей Ермолай-Еразм умалчивает.

Характеризуя политические взгляды Ермолая-Еразма, М. М. Богословский писал, что Ермолай-Еразм ставил целью своих реформ «общее благо подданных», что им владела мысль «о справедливом распределении государственного бремени между различными классами общества»⁴. Рассуждать так, значит повторять точку зрения самого Ермолая-Еразма, далеко не беспристрастную. В «Молении к царю» Ермолай-Еразм действительно заявлял, что он ставит себе целью достигнуть «благоугодия земли и умаления насильства».

Должна быть решительно отвергнута также точка зрения В. Ф. Ржиги и акад. А. С. Орлова на Ермолая-Еразма, как на защитника крестьянских интересов. Ермолай-Еразм не стремился к отмене классовой эксплуатации, к отмене крепостного права и феодальной собственности на землю.

¹ ЛЗАК, вып. 33, 1926, стр. 193.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 193.

⁴ М. М. Богословский. Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. «Древности». Труды Московского археологического общества, т. I, М., 1898, стр. 2—3.

Новейший исследователь творчества Ермолая-Еразма — Т. А. Колесникова¹ — считает, что Ермолай-Еразм «оказался намного дальновиднее своего класса», что он боялся крестьянских восстаний и хотел добиться «некоторого смягчения гнета» крепостной зависимости.

Дело здесь, однако, в другом: проект Ермолая-Еразма направлен на новое землеустройство, на передел земли. В проекте не остается места для боярского, вотчинного землевладения. Вся земля оказывается разделенной между служилыми людьми. Проект Ермолая-Еразма направлен не столько в защиту крестьянства, не на «некоторое смягчение гнета», чтобы отвести угрозу крестьянских восстаний, сколько против боярства.

Это последнее направление сочинений Ермолая-Еразма недостаточно выявлено в последней работе о нем Т. А. Колесниковой.

Ермолай-Еразм озабочен тем, чтобы эксплуатацию крестьянства передать из рук боярства целиком в руки дворянства. Защита интересов крестьянства носит «бессознательно лицемерный» характер².

Ермолай-Еразм никаких «уступок» в пользу крестьянства от дворянства не требует. Было бы странно, если бы идеолог поднимающегося дворянства, каким его впервые полно и убедительно показывает Т. А. Колесникова, в момент подъема этого дворянства предлагал ему сразу же делать уступки крестьянам. В сущности, дворяне ничего не теряли от реформ Ермолая, а наоборот, выигрывали. К ним отходила часть доходов с крестьян, шедших государству, и часть доходов купечества с крестьян. Ведь то положение Еразма, что крестьяне обязаны уплачивать сброк землевладельцу натурой, а не деньгами, было направлено против перекупщиков хлеба и ставило дворян на место этих перекупщиков.

В «Правительнице» Ермолая-Еразма основное — реформы, передающие всю эксплуатацию крестьян в руки дворянства. Его проекты прежде всего антибоярские. Перед нами реформатор, прогрессивный деятель, но прогрессивность его не идет, конечно, далее утверждения интересов дворянства.

Предложения Ермолая-Еразма шли в русле многочисленных других предложений, направленных на укрепление позиций дворянства против боярства.

¹ Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. Труды ОДРЛ, т. IX, М. — Л., 1953, стр. 251—265.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 198.

Как представитель нового, поднимающегося сословия, заинтересованного в отмене старых привилегий, Иван Пересветов также выдвигает принцип равенства всех перед лицом государя. «Все есмя дети Адамовы»¹. Он ставит в пример русскому царю турецкого салтана Магмета, который велел принести к себе «полныя и докладныя» книги и сжег их. Любимые паши Магмета — бывшие рабы, и ему «ведома нет, какова они отца дети»².

Как представитель служилого дворянства, выдвигаемого по личным заслугам, Иван Пересветов выступает против неравенства по рождению и за неравенство, создаваемое самим правительством, награждающим лучших. «Который воинник люот будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти, — наставляет Пересветов, — ино таковым воинником имена возвышати и сердца им веселити, и жалованья им из казны своея государевы прибавливати; и иным воинникам сердца возвращати, и к себе их близко припушати, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любить, аки отцу детей своих, и быти до них щедрю»³. Магмет-салтан — идеал правителя у Пересветова — говорит своим воинам: «Братия, все есмя дети Адамовы: кто у меня верно служит и стоит люото против недруга, и тот у меня лучшей будет»⁴.

Пересветов очень много говорит в своих сочинениях о «правде», т. е. о справедливости, но и здесь чувствуется идеология служилого дворянина. Справедливость — «правда» Пересветова — направлена главным образом на укрепление позиций служилого дворянства и против боярства. Острие «правды» Пересветова обращено против принципа родовитости. Как удачно выразился исследователь идеологии Пересветова А. Л. Сакетти, «правда» — это прежде всего «соответствие и соразмерность наград и наказаний, воздаяний и возмездий»⁵. Выдвижение начала личной заслуги вместо родового начала соответствовало классовому самосознанию служилого сословия.

Рассуждения Ивана Пересветова о «правде» (справедливости) напоминают встречающуюся в истории права постановку вопроса о «вечной справедливости», о которой Ф. Энгельс писал следующее: «Развитие права состоит лишь в стремлении

¹ М, л. 62 об.

² М, л. 62.

³ М, лл. 89 об.—90.

⁴ М, л. 62 об.

⁵ А. Л. Сакетти. Политическая программа И. С. Пересветова. Вестник Московского Гос. университета, 1951, № 1, стр. 111.

все более и более приближать условия человеческой жизни, поскольку они находят юридическое выражение, к идеалу справедливости. . . А эта справедливость всегда представляет собою лишь идеологизированное, вознесенное в небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, ибо он несправедлив. Для прусских юнкеров даже жалкий закон об округах является нарушением вечной справедливости. Представление о вечной справедливости изменяется, таким образом, не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у различных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми, как правильно замечает Мюльбергер, «каждый разумет нечто другое»¹.

К числу общих принципов, выдвигаемых Пересветовым, под которыми каждый «разумел нечто другое», но которые под пером Пересветова означали явную защиту интересов дворянства, принадлежит и принцип свободы.

Пересветов выступает за свободу страны. Он пишет: «Которая страна поработана, те люди не храбры». Против чьего же насилия выступает Пересветов? Из всего контекста его сочинений ясно: против насилия и притеснения «вельмож», бояр.

Вопрос о свободе возник в сочинениях Пересветова в связи с необходимостью заменить феодальное ополчение регулярным войском. Первое собиралось по принуждению, второе находилось на жаловании (денежное жалование, пожалование поместьем, натуральное довольствие). Иван Пересветов постоянно подчеркивает, что воевать надо за награду, а не по принуждению: «Воинника держати, как сокола кредити, и всегда ему сердце веселити»².

На примере двух наиболее ярких представителей дворянской публицистики XVI века — Ермолая-Еразма и Ивана Пересветова — отчетливо видно, что дворянские публицисты XVI века выступали «бессознательно лицемерно» в защиту «общенародных интересов», а на деле в защиту интересов дворянства. Принимая во внимание, что дворянство в XVI веке было прогрессивной частью феодального класса, нужно отметить, что и идеи, им выдвигаемые, были идеями прогрессивными и в какой-то мере отвечали интересам народа. Дво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 71.

² М, л. 89 об.

рянство выступает реформатором государственной жизни. выступает с новыми идеями, борется со старым, стремится к укреплению централизованного государства, способствует прогрессу общественной мысли и литературы.

В противоположность дворянским публицистам, высказывавшим новые идеи, несшим в своих сочинениях стройное и действительное мировоззрение, представители боярской идеологии слабо аргументируют, цепляются за авторитет старины, обращаются по преимуществу к общеморальной аргументации. В этом сказывалась слабость и обреченность боярской идеологии. Вместе с тем боярство не просто упорствует в своем нежелании признавать новое, а принимает некоторые из идей своих противников, идеи, ставшие бесспорными, вошедшие в действительность, но стремится истолковать их по-своему.

С общеморальных позиций Федор Карпов протестует против «терпения», т. е. безусловного подчинения подданных царской власти. Он утверждает, что «терпение» приводит к неограниченному произволу властителей, что покорность развращает власти, и постоянно сетует на современность, на безнравственность современного ему общества. Мировоззрение Федора Карпова пессимистично. Его идеал — покой, и он ищет этот покой в потустороннем мире.

В конце послания Федор Карпов пишет об обетованной земле живых, о рае, в котором «часы не начинают дней, восхода и захода не имеют, годового предела не стяжут, старость младенчества не пременяет, немощь здравия не озлобляет, смерть живота не скончевает, времена несчастья тамо не чаются, тамо вся красна, ничто не благо, вся добра, ничто спротивно, несть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего нерозумна, но всевечна премудрость»¹.

С позиций идеолога боярства обличал современные ему нравы и Максим Грек. Он выступает против «страсти иудейского сребролюбия и лихоимения», против грабежей имений, обид вдов и сирот, против роскоши, взяточничества и т. п.: «Всюду разбойники и душегубцы, воры и грабители, жестокие притеснители»².

Боярство стремилось сохранить старое. В призыве к этому и заключалась главным образом идеология боярства. К числу недовольных бояр принадлежал Иван Берсень, заявлявший Максиму Греку: «Ведаешь и сам, которая земля переставляет обычи свои, и та земля недолго стоит, а здесь у нас

¹ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112—113.

² Максим Грек, Сочинения, т. 1, 1910, стр. 131.

старые обычи князь велики переменял; ино на нас которого добра чаяти?»¹.

О необходимости соблюдать отеческие обычаи постоянно говорит и А. Курбский. Он приводит в подтверждение выдержку из Цицерона: «Который есть град (государство, — Д. Л.)? Всяко ли сошествие лютых и нечеловеколюбных? Всяко ли лотров и бегунов собрание на едино место множество? Заисте прети будешь. Ибо не был он в то время град, егда законы в нем ничесо же возмогали; егда суды поправаны; егда обычай отеческий загашен был»².

Было бы неточно сказать, что Курбский до конца последовательный защитник старины, что он мечтал о полном восстановлении порядков феодальной раздробленности. При всем своем противодействии прогрессивной деятельности Грозного, мечтать о полном восстановлении старины Курбский уже не мог. Он не мог выдвигать лозунг децентрализации. Преимущества централизованного государства были слишком явными даже для такого представителя боярского эгоизма, как Курбский. Поэтому он стремился не к разделению государства на отдельные княжества, а только к ослаблению единодержавной, объединяющей власти царя. Идеал Курбского — разделение власти между царем и боярством. Это был явный компромисс между старым и новым, — компромисс, на который должны были идти самые реакционные круги боярства под всепобеждающим давлением исторического поступательного движения.

Против Грозного Курбский выдвигает главным образом моральные аргументы. Главная политическая тема его сочинений — изображение «тирании Грозного». Он упрекает Грозного в жестокости, несправедливости, называет его мучителем, варварским и нерассудным царем. Личные качества царя — вот причина всех зол.

Два послания представителя боярской идеологии Сильвестра также характерны именно тем, что в них в сущности не противостоит новой дворянской идеологии ничего стройного и цельного. Аргументы Сильвестра также в основном «моральные». Он обличает современные ему нравы. Он настроен пессимистически и в непривычном новом видит лишь ослабление нравов. Нравы своего времени он склонен оценивать очень низко: «Восста убо на нас ненависть, и гордость, и вражда, и маловерие к богу, и лихоимство, и грабление, и насилие, и лжа, и клевета, и лукавое умышление на всяко зло, паче же

¹ Отрывок следственного дела о Иване Берсене. ЛАЭ, т. I, № 172, стр. 142.

² Сочинения князя Курбского. РИБ, т. XXI, вып. 1, 1914, стр. 143.

всего блуд и любодеяние, и прелюбодеяние, и содомский грех, и всякая скверна, и нечистота»¹. В духе идей нового времени Сильвестр считает ответственным за такое попустительство правительство. Понятия, связанные с образованием централизованного государства, проникают, следовательно, и в реакционную среду и здесь получают реакционную трактовку. Следуя идеям века, Сильвестр говорит о божественном происхождении царской власти. Государь — это «глава всем людям своим, избран божиею благодатию»². Однако даже обращаясь к царю, Сильвестр в завуалированной форме говорит о необходимости ограничения власти государя.

Таким образом, творческое, действенное начало в развитии публицистики принадлежало не старому боярству, — оно принадлежало молодому служилому дворянству. Дворянство вводило новые темы, новые идеи, в какой-то мере отвечавшие общенародным интересам, способствовавшие развитию общества, оно развивало художественную форму публицистических произведений. Боярство же оборонялось. Оно выдвигало против нового главным образом моральные аргументы, апеллировало к старине и, вынужденное принять некоторые новые идеи, стремилось обезвредить их или обернуть против своих противников.

Публицистическая деятельность боярства активизировалась в XVI веке — это несомненно. Но возбуждение это было ответным; оно вызывалось деятельностью дворянства, его публицистическими выступлениями. Следовательно, в публицистике XVI века из двух борющихся групп — дворянства и боярства — только дворянству принадлежала ведущая роль, именно оно заняло видное место в развитии публицистической мысли, и это чрезвычайно важно учитывать, изучая творчество дворянского публициста Ивана Пересветова.

* * *

В XVI веке начинает отходить в прошлое теологическая точка зрения на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду с ссылками на священное писание появляются ссылки на законы природы. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. На естественный порядок вещей в природе, как на

¹ Д. В. Голохвастов и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. Чтения ОИДР, 1874, кн. 1, отд. 1, стр. 72.

² Там же, стр. 73.

образец для подражания людям в их общественной и государственной жизни, ссылается ряд писателей XVI века. Иван Пересветов почти не пользуется уже в своих писаниях богословскими аргументами.

Авторитарность средневекового мышления продолжала еще требовать в это время какого-то авторитета, незыблемости. В «вечных законах природы» находил себе опору и дедуктивный способ мышления.

Таким образом, обращение к примеру природы не было заимствованием с Запада учения об «естественном праве», как думали некоторые исследователи, а являлось естественным следствием первых трещин, появившихся в богословском мировоззрении средневековья.

Ф. Энгельс следующим образом характеризует развитие светского начала в умственной жизни Германии XVI века: «Духовенство, являвшееся представителем идеологии средневекового феодализма, не менее чувствовало на себе влияние исторического перелома. Изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли лишили его монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование. Разделение труда наступило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов вытеснило духовенство из ряда влиятельных должностей. Оно также начало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своею все возрастающей леностью и невежеством. Но, чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами»¹.

В России «разделение труда», наступившее в области публицистики, в значительной мере было обусловлено разделением политических интересов крупного духовенства и дворянства. Служилое дворянство не могло уже довольствоваться политическими сочинениями идеологов церкви и вынуждено было выставлять собственных публицистов из своей среды. Общая секуляризация умственной жизни замечается и в том, что господство церковных писателей приблизительно со второй четверти XVI века начинает явно ослабевать. В конце XV века главные публицисты — митрополиты Феодосий и Филипп, архиепископы Вассиан Рыло и Геннадий и т. д.; позднее, наряду с Максимом Греком, — Федор Карпов, а затем Иван Пересветов, Ермолай-Еразм (не иерарх церкви, а рядовой представитель духовенства), и т. д.

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 120.

Идеологов из своей среды выдвигает и боярство, хотя именно эта среда дольше всего будет опираться на церковных писателей.

Выдвижение светских публицистов будет отчетливо видно особенно в начале XVII века. Внутриклассовая борьба в среде феодалов делает невозможным тот старый порядок, при котором идеология феодального класса отражалась по преимуществу в сочинениях церковных писателей. Идеология феодального класса в XVI веке в значительной мере лишена единства. По-разному представленная в различных социальных группах, она требовала и различных писателей, выдвигаемых в основном этими же группами.

«Разделение труда» между духовенством, старым вотчинным боярством и новым служилым дворянством явилось основой той общей секуляризации публицистики, которая в основном осуществлялась в XVI веке поднимающимся дворянством.

Церковная среда отнюдь не была едина. В ней находили своих идеологов различные социальные группы. «Разделение труда» упразднило эту монополию церкви в области публицистики и позволило различным социальным группам выставить собственных светских идеологов. К числу этих непосредственных идеологов дворянства из среды самого дворянства принадлежал и Иван Пересветов.

* * *

Публицистика в конце XV—XVI века не только отражала классовую и внутриклассовую борьбу своего времени: она была сама частью этой борьбы. Публицистические произведения играли активную роль в проведении различных мероприятий государственной власти. Это в первую очередь относится к публицистике дворянской, прогрессивной.

Излюбленная у дворянских публицистов форма челобитных (челобитные Пересветова, Моление к царю Ермолая-Еразма) отнюдь не случайна. Она явилась результатом стремления не только высказать свои взгляды, но и изменить порядок вещей, опираясь на государственную власть. Она свидетельствует о самом сильном желании их авторов вмешаться в жизнь. О стремлении активно воздействовать на жизнь свидетельствуют также и Стоглав и Домострой.

Многие темы русской публицистики XVI века являлись одновременно и темами государственных мероприятий. Взятничество и другие злоупотребления властей были злобой дня. Против них восстает Пересветов, и против них принимает

меры в своем Судебнике Иван Грозный¹. Вопросы землемерия рассматривает Ермолай-Еразм в своей «Правительнице», и они же практически решаются правительством Грозного при введении «большой сохи». О новой организации войска говорят Пересветов и Ермолай-Еразм. Ее же осуществляет государство. Одни и те же вопросы трактуют публицистические произведения и иммунитетные грамоты, «челобитные» публицистов и реальные челобитные.

Публицистика и действительность развиваются рука об руку. Круг государственных вопросов и круг вопросов публицистической мысли поразительно близки. Писатель и государственный человек откликаются на одни и те же темы. Писатель пишет для царя, а царь сам становится писателем. В творчестве Ивана Грозного невозможно отделить писателя от государственного деятеля. Его послания и речи, исполненные личных чувств, острые по форме, порой лишенные всякой официальности, — государственные акты. Его слово стремится убедить, разбить аргументы противника и вместе с тем является приказанием, законом. Он убеждает и распоряжается, преобразует и пропагандирует. Его единомышленники — публицисты — советуют и предлагают реформы. Они ждут не ответов, а действий.

Пафос преобразования общества сочетается в дворянской публицистике с идеей ответственности государя перед своими подданными за их благосостояние.

В. И. Ленин писал, что вопрос о государстве «затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-либо другой вопрос...». И далее: «В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите... борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства»².

Публицисты конца XV—XVI веков ожидали преобразований общества прежде всего от государя. Вот почему со своими проектами они обращаются прежде всего к московскому государю. К нему обращается и Вассиан Рыло, и Иосиф Волоцкий, и Иван Пересветов, и Ермолай-Еразм. Каждый из этих публицистов ждал именно от государя практического ответа на свои челобитные, послания, сказания и различные проекты. Они исходили при этом из идеи моральной ответственности государя за своих подданных. В той или иной мере (хотя и в очень

¹ Чтения ОИДР, 1908, кн. 1, стр. 47.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 435.

незначительной) эта идея моральной ответственности присутствовала и во многих сочинениях церковных писателей периода феодальной раздробленности, однако только с образованием централизованного государства она приобрела исключительно важное значение.

Архиепископ новгородский Феодосий пишет государю между 1547 и 1551 годом о беспорядках в Новгороде: «Кроме тебя, государя, того душевного вреда и тревожения внешнего устави некому»¹. И далее: «Якоже кормчий бдит всегда, тако и царский многоочитый твой ум содержит твердо доброго закона правило, иссушая крепко беззакония потоки, да корабль всемирных жизни не погрязнет волнами смущения»².

Иосиф Волоцкий считал, что государь должен «все обладаемое от тревожения спасти и соблюсти, и от нужды и скорби и от бед избавляти»³. Митрополит Даниил полагал, что государь должен «снискати яже ко благополучию всех существ под ним (разрядка моя, — Д. Л.)»⁴.

Та же идея ответственности царя не только за правопорядок в своем государстве, но и за материальное благополучие своих подданных пронизывает собой и сочинения Ивана Пересветова, и сочинения Ермолая-Еразма. Последний сравнивает ответственность царя «за всю землю» с ответственностью каждого человека за свой дом.

И. У. Будовниц в своей книге «Русская публицистика XVI в.» высказывает мысль, что идея ответственности царской власти равнялась идее ее ограниченности, что это была идея боярская⁵. Действительно, об ответственности царской власти перед своими подданными постоянно говорят и боярские писатели (Максим Грек, А. Курбский и др.), однако «ответственность» их другая. Итак, идея ответственности царской власти «носила в воздухе». Централизация власти была фактом, который и обусловил собой появление этой идеи, однако понималась она совершенно по-разному.

Идею ответственности царской власти находим мы и у Грозного. Грозный стремился к установлению неограниченной монархии, но монархии целенаправленной и ответственной. Эта ответственность царя не имеет политической организации;

¹ ДАИ, т. 1, № 41.

² Там же.

³ Там же, № 216. (Послание к дмитровскому князю Юрию Ивановичу).

⁴ Слово к благохотящим царям: см.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложение, стр. 70.

⁵ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 198.

эта ответственность моральная. Иное у противников Грозного. Боярские писатели сочетают идею ответственности царской власти с необходимостью царю слушать мудрых советников.

Идея ответственности касалась не только царской власти. Она пронизывала собой всю деятельность государства. В Судебнике 1550 года впервые устанавливалась ответственность судей за нарушение законов¹.

Ожидание преобразований общества заставляло дворянских публицистов обращаться с проектами реформ, требовать их у государственной власти. Челобитные Ивана Пересветова и в этом отношении типичное явление дворянской публицистики.

* * *

Развитие публицистики в XVI веке связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в древней Руси, как в конце XV—XVI веке. Развитие публицистики идет на гребне общего подъема веры в разум, в возможность улучшить общество и государство доводами рассудка.

Эта вера в разум, в силу убеждения очень характерна для поднимающейся прогрессивной социальной группы — служилого дворянства. Она составляет характерную черту публицистики эпохи образования и укрепления централизованного государства и вместе с тем ту внутреннюю ее основу, которая позволяла спорить, убеждать, побуждала браться за перо, составлять проекты и предлагать реформы.

О значении книжного слова неоднократно пишет в своих сочинениях Иван Пересветов. В Сказании о царе Константине Пересветов считает, что основной причиной неудач Константина было то, что вельможи его — «ленивые богатины» — дали ему прочесть неправильные книги, в которых проводилась мысль, что царь не должен ходить войной «на иноплеменническую землю», «царь книги причел, да укротел»².

С другой стороны, успехи султана Магмета Иван Пересветов объясняет опять-таки влиянием книг — на этот раз правильных и мудрых: «Царь турецкой Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово по-турски, ино великия мудрости прибыло у царя»³. Рассказав о той «правде», кото-

¹ Судебники XV—XVI веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 141 и сл.

² М, л. 73.

³ М, л. 53.

рую ввел Магмет в своем царстве, Пересветов заключает: «А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти»¹; «А то царь Махмет списал со христианских книг ту мудрость»². «Магмет списал с христианских книг ту мудрость и праведный суд»³. «А все то Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития света сего со христианских книг»⁴.

Пересветов придает исключительное значение «речам» волошского воеводы Петра. Он стремится пересказать их царю; сообщает ему то, что пишут о нем в Литве «философи и дохтуры латынския»⁵. Наконец, в особом Сказании о книгах Иван Пересветов рассказывает, как Магмет-салтан повелел у константинопольского патриарха Анастасия взять и перевести на турецкий язык христианские книги, с которых затем «снял образец жития сего».

Вера в возможность установить социальную справедливость с помощью убеждения и доброй воли законодателя отличает и сочинения Ермолая-Еразма. Ермолай-Еразм предназначил свои сочинения для государя. К государю обращена его «Правительница» и «Моление к царю». По представлениям XVI века, стоит лишь убедить монарха в правильности тех или иных взглядов и все совершится легко и гладко. Значит, цель всех сочинений — убедить царя.

В связи с этой верой в силу личного убеждения следует поставить одинаковое желание и Ивана Пересветова, и Ермолая-Еразма, чтобы царь лично прочел их писание. Об этом Пересветов просит царя в первой своей челобитной; об этом же просит Грозного Ермолай-Еразм в своем «Молении к царю».

Вера в силу слова книжного и устного была характерна не только для представителей дворянской публицистики. Однако и эта вера имела свои оттенки. Представители церкви, обращавшиеся к государю со своими посланиями, твердо надеялись в основном не только на силу своих аргументов (как Пересветов и Ермолай-Еразм), но и на авторитет церкви. Митрополит Даниил самое свое слово считал данным ему богом: «даде нам господь бог от слова помощь»⁶. Представители боярства редко предназначают свои сочинения для царя. Они излагали свои

¹ М, л. 57.

² П I, л. 77.

³ М, л. 63 об.

⁴ М, л. 53.

⁵ М, л. 65 об.

⁶ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 285.

взгляды не только для того, чтобы кого-то убедить, но и чтобы сделать свое негодование достоянием окружающих. Вассиан Косой говорил, что его называли «дерзким языком»¹. Он жаловался, изливал свои недовольства. «Что убо безмерно или съпротивно святым писаниям сътворю, аще о сицевых беседую с боголюбивыми князи, плачяся и рыдая церковное нестроение (разрядка моя, — Д. Л.)»².

Вера в «книги» была присуща и оппозиционному кружку, собиравшемуся вокруг Максима Грека. Участник кружка Берсень-Беклемишев спрашивал Максима «как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити». Максим отвечал ему: «у вас книги и правила есть, можете устроится (разрядка моя, — Д. Л.)»³.

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто максимально действенным началом. Это сказывается не только в призывах к царю и воинству «с коня не сседати», «на иноплеменники ходити воевати», в призывах к коренным социальным и государственным преобразованиям, но и в общефилософских послылках всей их публицистической деятельности. В этом отношении особенное значение имеет учение Ивана Пересветова о первенстве «правды» над «верою». «Правда» — это исполнение веры, это практика, действительность, устроенная руками людей — волей государя. Одной веры, по представлениям Пересветова, недостаточно. Необходимо воплощение этой веры в «правде». Без «правды» вера не нужна. «Коли правды нет, то и всего нет»⁴; «правда богу сердечная радость»⁵; «бог не веру любит — правду»⁶; «бог любит правду лутчи всего»⁷, и т. д. Следовательно, только практическое осуществление добра имеет ценность.

Идя по этому пути признания первенства практики над «верою», Иван Пересветов дошел до крайних границ отрицания «веры». Он высказывает чрезвычайно смелую мысль о том, что православные греки, которые «евангелие чли, а иные слушали,

¹ Полемические сочинения князя-инока Вассиана Патрикеева. Православный собеседник, 1863, октябрь, стр. 182.

² Там же, стр. 197.

³ Отрывок следственного дела о Иване Берсене. ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

⁴ М, л. 91 об.

⁵ М, л. 65.

⁶ М, л. 96.

⁷ М, л. 57.

а воли божия не творили»¹, оказались менее угодны богу, чем магометане турки, которые хотя и не имели истинной веры, но «правду» осуществляли.

С изящной смелостью формулируя свои мысли, Иван Пересветов заявляет о русском царстве: «Естьли к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними аггели беседовали»². Бог отдал греческое царство в руки магометан за то, что власть императора оказалась ограниченной в нем вельможами, за то, что вельможи творили неправый суд, томили народ рабством. Обленившиеся вельможи своею леностью «богу лжут и государю». Отсюда требования Ивана Пересветова самой сильной, самой неограниченной, самой деятельной власти: «Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям»³.

Чтобы ввести в царстве своем «правду», нужна «гроза»; государь должен быть грозен для своих подданных. Без грозы «правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Как конь под царем без узды, так и царство без грозы»⁴.

Таким образом, максимальная собранность всех сил государства для введения «правды», наибольшая активность, отрицание «веры» без «правды», неуклонное до беспощадности проведение в жизнь всех мероприятий государственной власти — таково деятельное мировоззрение этого представителя поднимающегося сословия — дворянства, заинтересованного в реформах, во внедрении нового и в искоренении старых порядков феодальной раздробленности.

Всячески стремясь подчеркнуть необходимость активного отношения к жизни, Пересветов практически выступает против церковного провиденциализма. Не бог, но сам человек творит свою судьбу, а бог только «помогает» тем, кто стремится ввести в жизнь «правду»: «Бог помогает не ленивым, но кто труды принимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведен суд судит: правда богу сердечна радость, а царю великая мудрость»⁵.

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто духом реформаторства, стремлением активно преобразовать общество,

¹ М, л. 96.

² М, л. 65 об.

³ М, лл. 71 об.—72.

⁴ М, л. 55 об.

⁵ М, л. 84 об.

призывом к вмешательству в жизнь. Оно действительно, оптимистично. Это мировоззрение поднимающегося, прогрессивного слоя феодального класса.

Развитие публицистики находится в тесной связи с этой чертой дворянской идеологии: публицистика — наиболее активная, наиболее действенная часть литературы. Она требует немедленного вмешательства в жизнь, немедленного ее исправления. Публицистика XVI века с ее челобитными и проектами была наиболее действенной формой литературы. Она не только поучала и убеждала, — она порой приказывала, распоряжалась (послания Ивана Грозного, послания митрополитов), вносила разработанные до мелочей деловые проекты (Ермолай-Еразм и Иван Пересветов).

* * *

Существенное место в публицистике XVI века занимает вопрос об организации вооруженных сил Русского государства. Авторы публицистических произведений связывают свои предложения социальных реформ с необходимостью укрепить русское войско, реорганизовать его. Авторы аргументируют необходимость этих реформ тем, что они сделают русское войско более мощным, позволят быстрее созывать ратников во время военной опасности и т. д. Образование централизованных государств на востоке Европы было ускорено интересами обороны. Следовательно, интересы обороны диктовали многие государственные реформы. Важное наблюдение по этому поводу находим мы в книге К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства»: «Войны с Казанским и Крымским ханствами, войны со Швецией, Ливонским орденом, Литвой и Польшей держали в постоянной боевой готовности всю военную систему Руси и были одним из главных источников огромного материального напряжения, которое при феодальном хозяйстве всей тяжестью ложилось на крестьянское и посадское население. Не учитывать влияния внешнеполитической обстановки на внутреннюю политику Ивана III или Ивана Грозного так же нельзя, как нельзя отрывать преобразовательную деятельность Петра Великого от Северной войны, хотя в обоих случаях основными факторами являлись закономерности внутреннего социально-экономического и политического развития. Так, крупные реформы Ивана III, усилившие централизованную систему государственной власти, были проведены в девяностых годах XV века, перед войной с Александром Казимировичем и Ливонским орденом 1500—1503 гг., а еще более значительные реформы пятидесятых годов XVI в.,

направленные против пережитков феодальной раздробленности, непосредственно предшествовали Ливонской войне»¹.

Как рассказывает о себе сам Иван Пересветов в своей Малой челобитной, он выехал в Россию из-за границы «на царское имя» и вывез с собой образец гусарского щита, который хотел распространить в русском войске. Щит был одобрен и через боярина Михаила Юрьевича Захарьина Пересветов получил крупный заказ на такие же щиты. «И Михайло Юрьевич, образца посмотрил, и тебе, государю, службы мою похвалил, и обо мне тебе, государю, печаловался. Делати было мне, государь, щиты гусарския добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сырицею, с красками и с рожны железными; а те, государь, щиты, с макидонскаго образца. А делати их в ветляном древе лехко добре и крепко: един человек с щитом, где хочет, туды течет и на коне мчит. И в поле те щиты заборона место: стрела из ближния цели неймет, а пищаль и з дальние цели неймет ручная; из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненою стрелбою из пищалей и из затинных, как з города. И приказал был еси, государь, Михайлу Юрьевичю дати мне плотников к тому делу и иных мастеров, которые мне надобеть, к тому делу. Да из-за тех же, государь, щитов, на Волге, где не похощет недруг воинством своим берега дати, ино мочно у него твоим воинником из-за тех щитов берег взяти»².

Эти сведения о себе Ивана Пересветова, сообщаемые им в Малой челобитной, чрезвычайно существенны для понимания его публицистической деятельности. Иван Пересветов был военным. Он заботился об укреплении военного могущества Русского государства в первую очередь. История с гусарскими щитами очень показательна. Иван Пересветов как писатель делал то же, что он делал как профессионал-военный: он и делом, и словом стремился к реорганизации русского войска. Его вооружение он пытался улучшить, создавая производство нового типа щитов; его организацию он пытался улучшить, предлагая ряд реформ в своих публицистических сочинениях.

Свою практическую и публицистическую деятельность объединял сам Пересветов. Заканчивая свою Большую челобитную, Пересветов подчеркивал, что приехал он служить царю «теми речми и з дела воинскими»³ потому, что услышал, что

¹ К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 16.

² М., л. 67—67 об.

³ М., л. 100.

русский царь имеет от бога мудрое приращение и счастливое к воинству»¹. Ради этого Пересветов «оставил службы богатая и безкручинная». Публицистические сочинения Ивана Пересветова далеко перешагнули основную волновавшую его тему устройства русского воинства и имели гораздо более широкое значение, но об исходной теме всей деловой и публицистической деятельности Ивана Пересветова не следует забывать.

Забота о военных силах Русского государства не раз сказывается в его сочинениях. О «воинской мудрости» царя, раньше, чем об «управе в царстве своем» и «уставе жития царского» говорит Иван Пересветов в Большой челобитной². Богатство и вельможи ослабляют воинов. «Хотя и богатырь обогатит и он обленивеет: богатый любит упокой»³. Мысль эту Пересветов повторяет дважды, настойчиво подчеркивая, что вельможи плохие воины. Он приводит в пример греческое царство, где вельможи царством «обладали, изменили и царство измытарили всякими неправыми суды», собирали богатства «от слез и крови христианской», а сами «обленивели за веру христианскую стоять», царя отвлекли от военных дел и тем погубили страну. Он советует царю приближать к себе тех воинов, которые люто могут «против недруга играти смертною игрою»⁴, возвышать их имена, раздавать награды, выслушивать их жалобы и любить их как отцу детей. Пересветов предлагает огнем жечь и иными «лютыми смертями» истреблять тех, кто отвращает царя от его воинских дел. «А царю без воинства не мочно быти, — говорит Пересветов: — аггели божи и небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не опускают, стрегут рода человеческого от всякия пакости от Адама и до сего часа, да и те службою своею не скучают. А царю как без воинства быти? Воинником царь силен и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников быти ему аки отцу до детей своих щедрю. Что царская щедрость до воинников, то его и мудрость; щедрая рука николи же не оскужается и славу себе велику собирает»⁵.

Пересветов не только предлагает русскому царю укрепить свое воинство, но и поощряет его к завоеванию Казанского царства. Он передает слова, сказанные Петром, волошским

¹ М, л. 100.

² М, л. 84.

³ М, л. 86 об.

⁴ П I, л. 76 об.

⁵ М, л. 93 об.

воеводой: «Да тому велми дивуемся, что таковая земля не велика, велми угодна, у такового великаго, у силнаго царя под пазухою, а в недружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую принимает»¹.

Те или иные наставления в «воинской мудрости» заключают в себе и Сказание о царе Константине, и Сказание о Магмете-салтане, и Предсказание философов и докторов, и Малая челобитная, и Сказание о книгах. В сущности, проекты Пересветова можно рассматривать как проекты воинских реформ в первую очередь.

Эти воинские реформы мыслятся им с необычной для своего времени широтой, как реформы всего государственного и социального строя, исходящие из интересов и идеологии дворянства.

Стремлением к укреплению армии отмечена и «Правительница» Ермолая-Еразма.

Он предлагает регламентировать ратные повинности помещиков количеством отводимой им земли. С каждого «четверогранного поприща» выходит на военную службу сам помещик и его слуга в бронях. Помещик и слуга живут в городе, чтобы в случае нужды немедленно явиться по призыву. И самые размеры «четверогранного поприща», устанавливаемые Ермолаем-Еразмом, и повинности крестьян в отношении помещиков определяются в известной мере этой воинской организацией.

Итак, реформы, предлагаемые Иваном Пересветовым и Ермолаем-Еразмом, в основе своей имеют интересы обороны. Это многозначительно. Причины, ускорившие образование Русского централизованного государства, способствовали и развитию публицистики. В свою очередь, дворянская публицистика XVI века служит делу создания и укрепления централизованного государства.

* * *

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Мы видим уже, что темы публицистики XVI века — темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в публици-

¹ М, л. 98.

стику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики.

В публицистике XVI века часто трудно решить — где кончается публицистика и начинается деловая письменность. Трудно решить: в деловую ли письменность проникают элементы художественности или в полемической литературе используются формы деловой письменности. Замечателен, например, Стоглав. В «Деяния» Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. Стоглав — факт литературы в той же мере как и факт деловой письменности.

Великие Четьи-Минеи митрополита Макария называют «энциклопедией» всех читавшихся на Руси книг¹, но эта энциклопедия художественно обработана. В нее внесена сильная публицистическая, злободневная струя, до сих пор мало еще учтенная в науке.

Художественность настойчиво проникает в летопись, в историческое повествование. Назидательное, публицистическое начало преобразуют летопись в Степенную книгу. Назидание, публицистика перевешивают стремление к соблюдению исторической правды. Выдумка входит сильнейшим элементом в Степенную книгу, в Летописец начала царства, в Казанскую историю и в Лицевой свод Грозного. В уста исторических героев вкладываются измышленные речи (речи Грозного, Анастасии, Макария в Летописце начала царства).

В летопись проникает полемика — в Псковскую², в Новгородскую³, в Ростовскую⁴ и т. д.

Публицистика широко обращается к формам устной, ораторской речи.

В этой связи следует подчеркнуть особенное развитие в публицистике таких старых жанров церковной литературы, как проповеди, слова, поучения. Естественно, что ими в первую очередь пользуются политические деятели церкви (Вассиан Рыло, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил и многие другие). Развивается и диалог, — форма, удобная для ведения полемики. В форме диалога написано «Того же инока пустытника Васиана (Вассиана Косого, — Д. Л.) на Иосифа, игумена Волоцкого, собрание от святых правил и от многих

¹ Акад. А. С. Орлов. Древняя русская литература XV—XVI вв., стр. 253 и сл.

² Псковская I летопись под 1510 годом.

³ См. «Словеса избрана» в Новгородской IV летописи под 1471 годом.

⁴ См. Ермолинскую летопись под 1462—1463 годами.

книг собрано, и на его ученики, и различные меж себя ответы от книг»¹. Диалог в этом произведении ведется между автором (Вассианом Косым) и Иосифом Волоцким.

Многие приемы церковной литературы используются в литературе светской и частично изменяют свой характер. Так, например, широкое развитие в публицистике XVI века приобретает аллегория, в прошлом теснейшим образом связанная с традиционной церковной символикой. В публицистической литературе XVI века аллегория используется очень часто, но характер ее целиком светский. Аллегория встречается в Повести о Псковском взятии, читающейся в Псковской первой летописи под 1510 г.

В форме аллегории написана «Повесть некоего боголюбивого мужа»². Здесь интересно то, что историческая сторона повествования затушевана, на первое место выдвинута назидательная. Между тем, в предшествующее время, в XI—XV веках, на первом месте всегда стояла историческая сторона, назидательная же была дополнительной. В повести действует «некий благоверный, боголюбивый и милостивый царь (разрядка моя, — Д. Л.)». Имена действующих лиц отсутствуют, чем облегчается возможность различных применений этой повести к современности.

Характерно, что освобождение аллегории от церковности было связано в этой повести с обращением ее к сказочности. На месте церковной аллегории появлялась аллегория, пользовавшаяся сказочными формами.

Аналогично и в других областях: отход от церковности был обычно связан не только с внесением в литературное произведение светского начала, но и с использованием элементов народного творчества. Так, например, в учительной церковной литературе было обычным прибегать к авторитету церковных писателей, вводить из них отдельные изречения, сентенции.

Авторитарность средневекового мировоззрения требовала и в светских сочинениях обращения к авторитету изречений. Эти изречения и давались в светских полемических произведениях, но они были лишены авторства. Они составляют как пословицы, подражают пословицам.

Один из наиболее светских писателей XVI века — Иван Пересветов — широко пользуется афористическими выраже-

¹ Православный собеседник, 1863, октябрь, стр. 200—210.

² Ф. Буслев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 877—882.

ниями. Созданными им самим афоризмами он как бы подкрепляет свои положения.

Писатели XI—XVI веков широко пользовались и церковными и изречениями для подкрепления своих мыслей. Иван Пересветов не прибегает к церковному авторитету, но он также широко создает светские изречения, облакая их в форму, близкую к народным поговоркам и пословицам, также обладавшим авторитетностью. Перед нами любопытная деталь процесса секуляризации мысли, секуляризации самой аргументации и поисков новых форм для новой светской в своей основе аргументации.

В XVI веке широко используется в литературных целях форма дипломатической переписки. По весьма правдоподобию предположению Я. С. Лурье первое послание Грозного было рассчитано на «все российское царство»¹. Для широкого распространения предназначались и послания его противника — Курбского. Послания Иосифа Волоцкого были соединены им самим в особый сборник «Просветитель». Точно так же была соединена в особый сборник сторонниками Курбского переписка его с Грозным².

Недостаточно изучены еще так называемые «подложные» послания XVI века — сочиненная переписка Грозного с турецким султаном. Перед нами, конечно, не подлог, а использование деловой формы дипломатической переписки и исторических имен в литературных целях. Недостаточно изучены также «подложные» статейные списки XVI века. Эти последние также представляют собой памятники публицистической мысли, создававшиеся на основе форм деловой письменности.

Связь с деловой письменностью особенно отчетлива в сочинениях Ивана Пересветова.

Пересветов пишет челобитные. Их содержание — близко к содержанию обычных челобитных. В них, как и во всяких челобитных, есть конкретный адресат — «государь благоверный, великий царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси». В них есть, как и во всяких челобитных, и конкретные просьбы: просьбы личные — о допущении его «речей и дел» перед государем, о защите от сильных людей, и о заказе ему щитов. Однако, наряду с обычными элементами челобитных,

¹ Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 471 и сл.

² Послания Ивана Грозного. Археографический обзор, стр. 528 и сл.

в них есть и необычные. Личные просьбы в этих челобитных самого Ивана Пересветова — лишь дань деловой условности. Основная тема челобитных Пересветова отнюдь не личная. Он предлагает не просьбы, а государственные проекты¹. В челобитных Пересветова имеются элементы легенды, развитой рассказ.

Форма челобитных в художественной литературе использовалась и позднее — в XVII веке, но там это использование было иным. В XVII веке в сатирической литературе посадского населения челобитные пародируются (ср.: «Калязинская челобитная»). Эксплуатируемый класс пользуется пародиями на челобитные в своей борьбе против враждебного ему класса феодалов. Совсем иначе используется форма челобитных в XVI веке. Публицистическая литература XVI века развивается под флагом поднимающегося служилого дворянства. Эта прогрессивная группа феодального класса стремится не к отмене существующего социального порядка, а к закреплению за собой достигнутых успехов и к развитию этих успехов. Служилое дворянство проектирует, укрепляет настоящее, закрепляет за собой господство, стремится к новым завоеваниям. Оно не отрицает действительности, не высмеивает ее. Челобитные Пересветова — это челобитные «всерьез». Отнюдь не пародия и челобитная Ивана Грозного царю Симеону Бекбулатовичу. Сатирический элемент в ней отсутствует. Она была частью задуманного Грозным в 1564 году политического «маскарада», необходимого ему для определенных политических целей².

Перед нами значительный процесс претворения деловой литературы в литературу художественную.

Таким образом, публицистика XVI века развивается в тесном взаимодействии с деловой письменностью. С одной стороны, публицистика пользуется формами выражения, разрабо-

---

¹ О том, что челобитные Пересветова — литературные произведения, пишет И. У. Будовниц: «Ряд сочинений Пересветова встречается во многих списках (см., например: В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1814). Это говорит о том, что и автор и Иван Грозный, которому челобитные Пересветова были адресованы, смотрели на них как на литературные произведения, подлежащие распространению, а не как на частное ходатайство, которое должно было храниться в архиве в единственном экземпляре. И это как будто дает основание видеть в «челобитной» лишь литературную форму, в которую облечен политический памфлет» (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 212).

² См. об этом: Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. Послания Ивана Грозного, стр. 482—484.

тавшимися в деловой письменности. С другой стороны, в деловую письменность все сильнее проникают элементы публицистики. Элементы публицистики входят в дипломатическую переписку («Сказание о князьях владимирских»). Сама дипломатическая переписка порой превращается в литературные произведения. Литературными произведениями оказываются и челобитные, и окружные послания, и частные письма.

Эта связь публицистики с деловой письменностью объясняется в первую очередь тем, что публицистика XVI века в основном служит интересам дворянства. Дворянство для выражения своих светских притязаний не может удовлетвориться формами публицистики, тесно связанными с церковной литературой (слова, поучения, послания и т. д.). Оно обращается к деловой письменности, привычной ему в практическом обиходе повседневной жизни. Дворянство нуждается в немедленных реформах, и оно выступает со своими предложениями, действуя привычными путями, привычными формами, твердо надеясь встретить сочувствие в правительственных верхах. Челобитные лучше всего служили для изложения проектов всякого рода реформ.

Активное стремление к преобразованию жизни не могло удовлетвориться старыми формами публицистики, слишком условными и слишком церковными. Действительному характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действительные формы деловой письменности — они стояли ближе к действительности, к ее нуждам и потребностям, воздействовали на жизнь не только литературными, но и деловыми средствами.

Это последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания роли и значения деловой письменности в литературном развитии XVI века.

Деловая письменность требует немедленного ответа. Челобитные, постановления собора, статейные списки, дипломатические послания и т. п. — все это жизненно действенные формы письменности. К ним и обращаются представители действенной идеологии. К ним обращаются прежде всего дворянские публицисты и только вслед за ними публицисты реакционного боярства.

Публицистика и по содержанию и по форме выражения все более и более становится дворянской. Она не только отражает действительность — классовую и внутриклассовую борьбу своего времени, — она становится частью этой борьбы.

Никогда еще литература не играла такой огромной роли в формировании действительности, как в XVI веке.

Пафос преобразования государства на «разумных» началах охватывает многих публицистов — в большинстве случаев крупных государственных деятелей своего времени, для которых их литературная деятельность была только частью их государственных забот. Деловая и художественная проза сливаются. Это необычайно расширяет публицистическую литературу.

Тесное слияние литературы и деловой письменности отнюдь не уводило историко-литературный процесс вспять. Уже в XI—XIII веках художественная литература постепенно отделяется от деловой письменности. Постепенно кристаллизуется специфика художественной литературы. Однако процесс идет неровно. В периоды, когда литература особенно остро откликается на классовую и внутриклассовую борьбу своего времени, когда старые формы перестают удовлетворять новым потребностям, — литература вновь и вновь обращается к деловой письменности, чтобы черпать из нее новые творческие формы.

Существенные изменения происходят и в языке московской публицистики XVI века. То «разделение труда», которое наступило в умственной области и привело к обмирщению духовной жизни, отразилось и в области языка, — в первую очередь дворянских публицистов. Дворянство, как уже указывалось выше, выдвинуло идеологов из собственной среды и не нуждалось в услугах духовных писателей. Эти идеологи дворянства пользуются формами деловой письменности и соответственно этому — деловой речью. Язык московских приказов дает себя чувствовать и в челобитных Пересветова, и в проекте Ермолая-Еразма. Язык дипломатической переписки входит в послания Грозного. Грозный пользуется в своих произведениях и формами церковной письменности, и языком приказов, и разговорными выражениями. Для представителя боярской идеологии князя А. Курбского две последние категории речи были полностью исключены из писательского обихода. Вот почему, обращаясь к Грозному, он писал, что употреблять «ядовитые словесы» «не токмо цареви, так великому и во вселенней славному, но и простому, убогому воину еще было недостойно»; «туто же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни; и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом»¹.

Обмирщение языка дворянских публицистов, приближение его к языку простых воинов и даже «неистовых баб» совер-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I, РИБ, т. XXI, 1914, стр. 115.

шенно явно и не требует особых доказательств. В нашу задачу не может входить подробный анализ этого явления. Для нас важен только самый факт его, как один из важнейших показателей сущности тех процессов, которые происходили в публицистике.

Расцвет публицистики в эпоху образования и укрепления Русского централизованного государства — чрезвычайно важный этап в историко-литературном процессе древней Руси по пути ее секуляризации и движения к реалистичности. Сочинения Ивана Пересветова — типичное явление дворянской публицистики XVI века. Их темы и их форма находятся в тесной связи с литературной современностью Пересветова.

